

Библиофил

А.А. Доброхотов

«В пространствах таются пространства...»

О книге О.А. Лавреновой
«Пространства и смыслы:
семантика культурного ландшафта»*

«Где больше неба мне – там я бродить готов, / и ясная тоска меня не отпускает / от молодых еще воронежских холмов / к всечеловеческим, яснеющим в Тоскане» (О. Мандельштам); «Люблю вас, далекие пристани / в провинции или в деревне. / Чем книга черней и листанней, / тем прелесть ее задушевней» (Б. Пастернак); «Есть чувство правды в сердце человека, / святое вечности зерно: / пространство без границ, течение века / объемлет в краткий миг оно» (М. Лермонтов); «Париж не весь в домах, и в том иль этом лике: / он часть истории, идея, сказка, бред» (В. Брюсов); «И письма дорог, начертанных в пустыне...» (М. Волошин); «...Но слышна любовь, только когда тихо. Любовь к дому и любовь к царству. В душе наступает небывалый покой, и ты видишь свои божества» (А. де Сент-Экзюпери); «Слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство» (Аристотель).

Мы процитировали несколько эпиграфов к главам новой книги географа, культуролога и философа Ольги Лавреновой. Между поэтической интонацией этих строк и строгим языком монографии, изобилующим специальной современной терминологией, – дистанция огромного размера. Дистанция неизбежная, поскольку книга предназначена прежде всего для ученых – исследователей в области естественных и гуманитарных наук. Но образованный, любознательный и, главное, неленивый читатель почерпнет в ней большой объем информации об истинных масштабах деятельности человеческого разума в пределах физической природы; о культуре, которую можно и должно изучать с разных точек зрения, чтобы приблизиться к пониманию этого всеохватного явления в его целостности.

* Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М.: Институт наследия, 2010.

Путешествуя по городам и весям или день за днем повторяя маршрут от дома до работы и обратно, мы вряд ли обращаем внимание, насколько пространство нашей жизни пронизано смыслами и метафорами. Над этим задумалась Ольга Лавренова, представив свои размышления и обобщения в книге о семантике культурного ландшафта.

Человек сам определяет, в каком пространстве он живет, – пространстве городского района, местности, страны, мира... К каждому из этих иерархических уровней тянутся невидимые нити смыслов, свитые многовековой культурной традицией. Нити сплетаются в ткань... ткань универсума или ее «лоскуток» – культурный ландшафт. Ткань и текст – синонимы по этимологии. Сфера научных интересов автора книги – культурная география и философия культуры, поэтому она в своей книге то и дело возвращается к этой паре синонимов, через метафорику высвечивая закономерности пространства, освоенного и осмысленного культурой.

Ноосфера, пневмосфера, семиосфера – этими терминами обозначаются разные аспекты деятельности человечества в глобальном масштабе. Разум, дух, знаки и символы (как продукт и разума, и духа) пронизывают все проявления культуры и формируют вышеуказанные «сферы», меняя лицо Земли. Издержки цивилизации приводят к тому, что возникают «каверны» карьеров, «морщины» каналов и «лысины» антропогенных пустынь... Но было бы ошибкой считать, что люди только уродуют прекрасное лицо планеты – культура создает его одухотворенное выражение, низводя Небо на Землю. Посредством символов и культовых построек человек способен превратить определенные участки земной поверхности в икону – выразить запредельные категории. Есть и inferнальные территории, опрокинутые человеком в небытие, – стихийные свалки, лагеря для заключенных, «палаточные городки» бомжей, периодически возникающие в ландшафте города, но в местах, практически не контролируемых городской цивилизацией, и т.п. И то, и другое в современной науке обозначается как культурный ландшафт (дескать, изнанка культуры – это тоже культура), поскольку ценностное понимание культуры, предложенное Рерихом, в академических кругах не прижилось.

Концепция культурного ландшафта развивалась на стыке естественно-научных и гуманитарных дисциплин. В географии изначально культурный ландшафт – это природный ландшафт, в той или иной степени испытавший историко-эволюционное, антропогенное воздействие, как его понимал Л.С. Берг, предложивший этот термин в 1915 году. В книге рассматривается преимущественно гуманитарная концепция, в рамках которой культурный ландшафт интерпретируется в большей степени как феномен культуры, нежели феномен пространства.

Уходящая корнями во времена античности теория географического детерминизма постулировала влияние природной среды на ментальность культуры. По крайней мере, способ земледелия и структура расселения традиционной культуры довольно жестко диктуются природным ландшафтом. Культура, в свою очередь, формирует ландшафт, вмешиваясь в его структуру гармонично или деструктивно. Согласно ноосферной концепции культурный ландшафт формируется материальной и духовной культурой, культурным наследием (Ю.А. Веденин).

О.А. Лавренова рассматривает геокультурное пространство как процесс и результат надления человеком окружающего мира смысло-ценностными категориями, то есть как непрерывающийся процесс и результат семиозиса.

В культурном ландшафте выражаются универсальные категории культуры, они создают «модель мира» («картину мира», «образ мира»), «сетку координат», характерную для отдельно взятой культуры и эпохи. Такие трудноуловимые категории, как время и трансценденция, могут быть выражены через символ и знак.

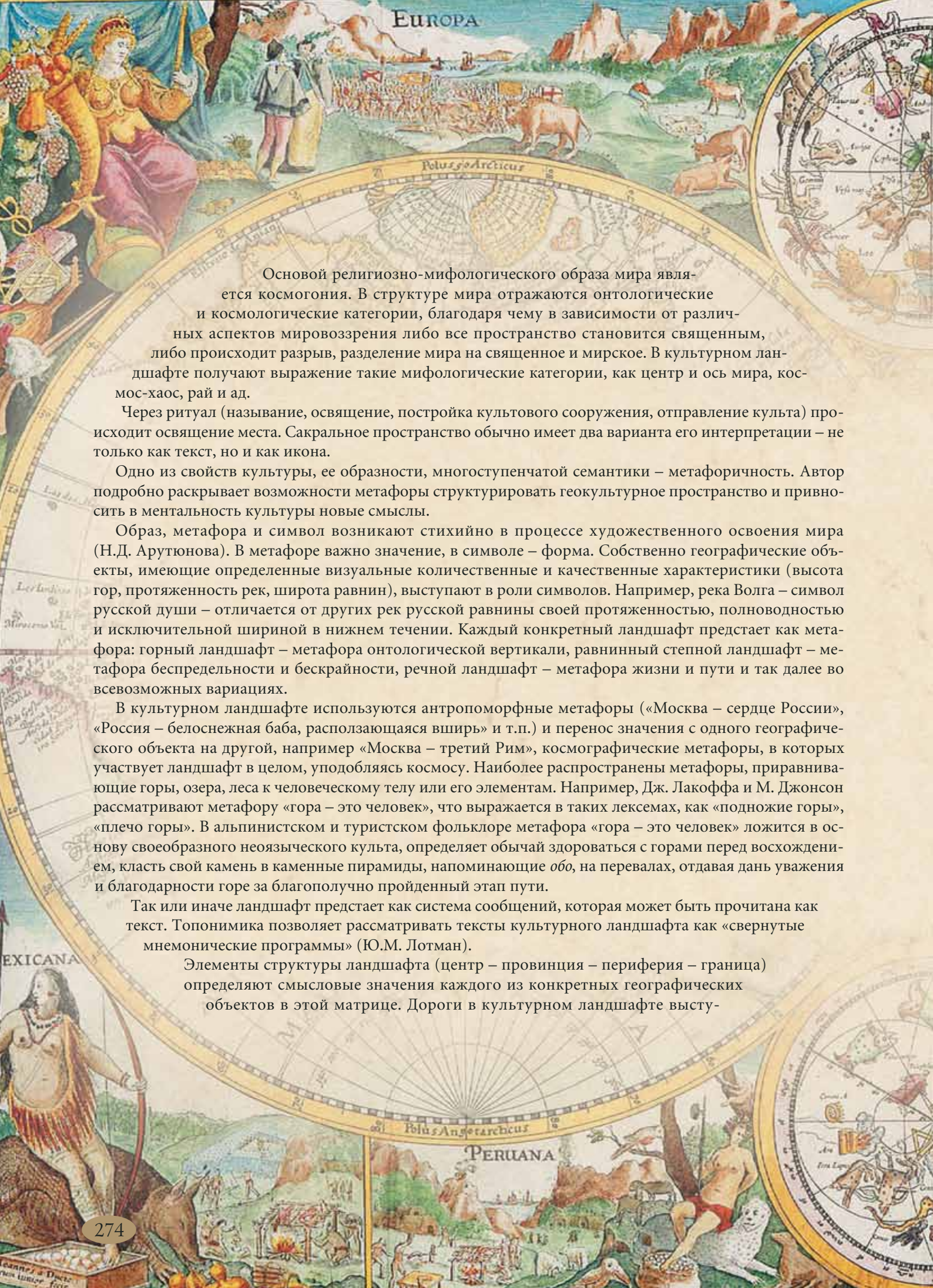
Время в геокультурном пространстве имеет несколько ритмов, оно обретает пространственные характеристики – у него есть локусы-сгустки, где оно концентрируется, есть пути, по которым оно движется, есть перекрестки, где возможно как прямое, так и обратное течение времени. Различные ритмы времени сообщают культурному пространству свойство текучести, пластичности. В культурном ландшафте неизменно присутствует геологическое, мифологическое, историческое и физическое время. Некоторые места могут становиться выразителем и таких категорий, как вечность и безвременье. В «ландшафте времени» топонимы выступают как знаки того или иного качества времени, порожденного культурой. Осмысление пространства-времени в его разнообразии постоянно рождает новые смыслы в культуре, расширяет границы семиосферы.

Несмотря на то, что образ мира в современной мировой культуре сформирован преимущественно естественно-научной парадигмой, сквозь нее в той или иной мере «просвечивает» изначальная религиозно-мифологическая картина мира. Ее исследовали М. Элиаде, В.Н. Топоров, А.Я. Гуревич, Н.М. Терехихин, Г. Башляр и др.

«Исторический взгляд на мир открывает нам физический космос, – цитирует Ольга Лавренова известного историка XX века А. Тойнби, – движущийся по кругу в четырехмерном Пространстве-Времени, и Жизнь на нашей планете, эволюционирующую в пятимерной рамке Пространства-Времени-Жизни. А человеческая душа, поднимающаяся в шестое измерение посредством дара Духа, устремляется через роковое обретение духовной свободы в направлении Творца или от Него»¹.

¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории / Пер. с англ. М., 1996. С. 504.

Основной религиозно-мифологического образа мира является космогония. В структуре мира отражаются онтологические и космологические категории, благодаря чему в зависимости от различных аспектов мировоззрения либо все пространство становится священным, либо происходит разрыв, разделение мира на священное и мирское. В культурном ландшафте получают выражение такие мифологические категории, как центр и ось мира, космос-хаос, рай и ад.

Через ритуал (называние, освящение, постройка культового сооружения, отправление культа) происходит освящение места. Сакральное пространство обычно имеет два варианта его интерпретации – не только как текст, но и как икона.

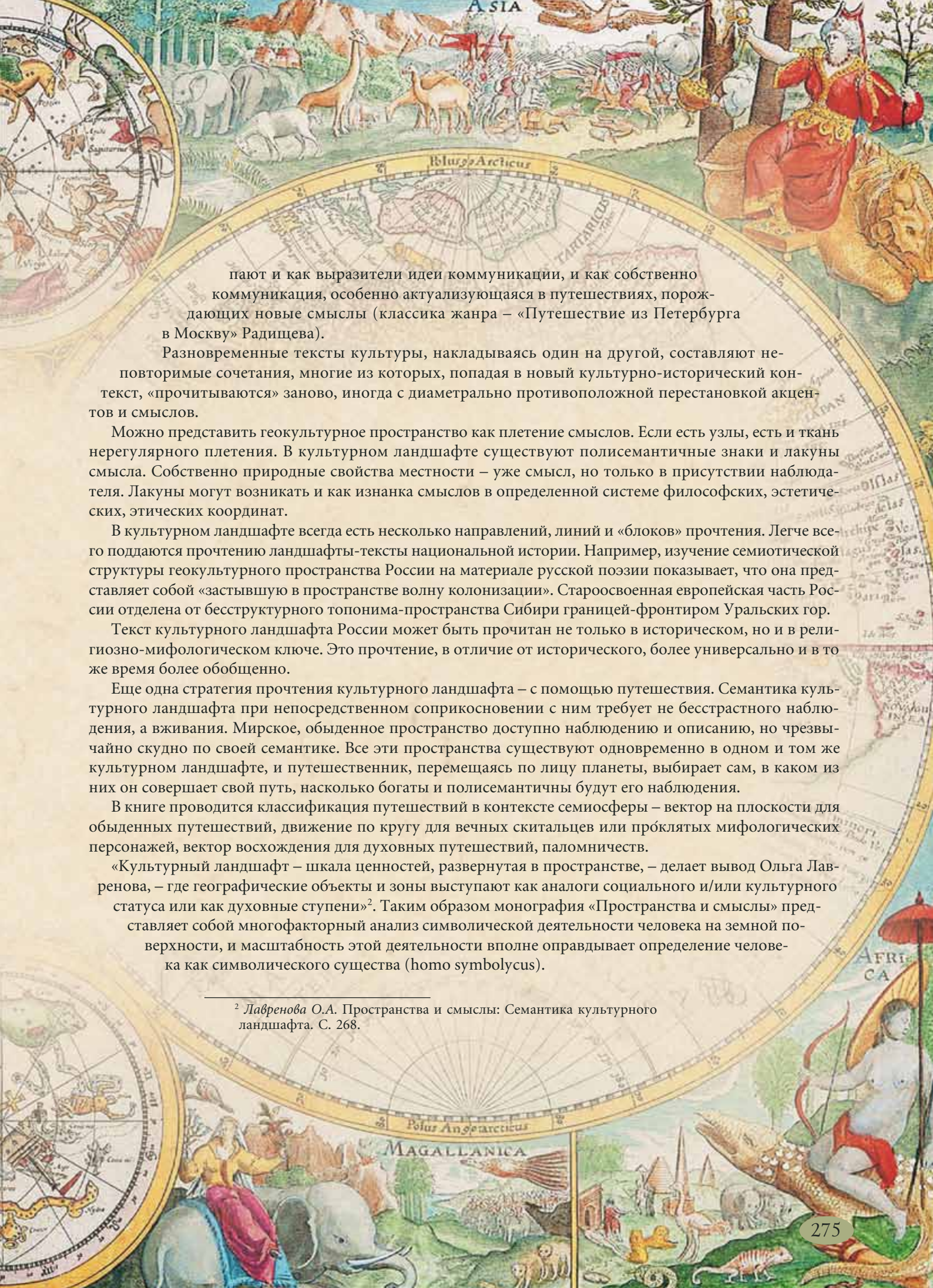
Одно из свойств культуры, ее образности, многоступенчатой семантики – метафоричность. Автор подробно раскрывает возможности метафоры структурировать геокультурное пространство и привносить в ментальность культуры новые смыслы.

Образ, метафора и символ возникают стихийно в процессе художественного освоения мира (Н.Д. Арутюнова). В метафоре важно значение, в символе – форма. Собственно географические объекты, имеющие определенные визуальные количественные и качественные характеристики (высота гор, протяженность рек, широта равнин), выступают в роли символов. Например, река Волга – символ русской души – отличается от других рек русской равнины своей протяженностью, полноводностью и исключительной шириной в нижнем течении. Каждый конкретный ландшафт предстает как метафора: горный ландшафт – метафора онтологической вертикали, равнинный степной ландшафт – метафора беспредельности и бескрайности, речной ландшафт – метафора жизни и пути и так далее во всевозможных вариациях.

В культурном ландшафте используются антропоморфные метафоры («Москва – сердце России», «Россия – белоснежная баба, расплзающаяся вширь» и т.п.) и перенос значения с одного географического объекта на другой, например «Москва – третий Рим», космографические метафоры, в которых участвует ландшафт в целом, уподобляясь космосу. Наиболее распространены метафоры, приравнивающие горы, озера, леса к человеческому телу или его элементам. Например, Дж. Лакоффа и М. Джонсон рассматривают метафору «гора – это человек», что выражается в таких лексемах, как «подножие горы», «плечо горы». В альпинистском и туристском фольклоре метафора «гора – это человек» ложится в основу своеобразного неязыческого культа, определяет обычай здороваться с горами перед восхождением, класть свой камень в каменные пирамиды, напоминающие *обо*, на перевалах, отдавая дань уважения и благодарности горе за благополучно пройденный этап пути.

Так или иначе ландшафт предстает как система сообщений, которая может быть прочитана как текст. Топонимика позволяет рассматривать тексты культурного ландшафта как «свернутые мнемонические программы» (Ю.М. Лотман).

Элементы структуры ландшафта (центр – провинция – периферия – граница) определяют смысловые значения каждого из конкретных географических объектов в этой матрице. Дороги в культурном ландшафте высту-

пают и как выразители идеи коммуникации, и как собственно коммуникация, особенно актуализующаяся в путешествиях, порождающих новые смыслы (классика жанра – «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева).

Разновременные тексты культуры, накладываясь один на другой, составляют неповторимые сочетания, многие из которых, попадая в новый культурно-исторический контекст, «прочитываются» заново, иногда с диаметрально противоположной перестановкой акцентов и смыслов.

Можно представить геокультурное пространство как плетение смыслов. Если есть узлы, есть и ткань нерегулярного плетения. В культурном ландшафте существуют полисемантические знаки и лакуны смысла. Собственно природные свойства местности – уже смысл, но только в присутствии наблюдателя. Лакуны могут возникать и как изнанка смыслов в определенной системе философских, эстетических, этических координат.

В культурном ландшафте всегда есть несколько направлений, линий и «блоков» прочтения. Легче всего поддаются прочтению ландшафты-тексты национальной истории. Например, изучение семиотической структуры геокультурного пространства России на материале русской поэзии показывает, что она представляет собой «застывшую в пространстве волну колонизации». Староосвоенная европейская часть России отделена от бесструктурного топонима-пространства Сибири границей-фронтиром Уральских гор.

Текст культурного ландшафта России может быть прочитан не только в историческом, но и в религиозно-мифологическом ключе. Это прочтение, в отличие от исторического, более универсально и в то же время более обобщенно.

Еще одна стратегия прочтения культурного ландшафта – с помощью путешествия. Семантика культурного ландшафта при непосредственном соприкосновении с ним требует не бесстрастного наблюдения, а вживания. Мирское, обыденное пространство доступно наблюдению и описанию, но чрезвычайно скудно по своей семантике. Все эти пространства существуют одновременно в одном и том же культурном ландшафте, и путешественник, перемещаясь по лицу планеты, выбирает сам, в каком из них он совершает свой путь, насколько богаты и полисемантически будут его наблюдения.

В книге проводится классификация путешествий в контексте семиосферы – вектор на плоскости для обыденных путешествий, движение по кругу для вечных скитальцев или проклятых мифологических персонажей, вектор восхождения для духовных путешествий, паломничеств.

«Культурный ландшафт – шкала ценностей, развернутая в пространстве, – делает вывод Ольга Лавренова, – где географические объекты и зоны выступают как аналоги социального и/или культурного статуса или как духовные ступени². Таким образом монография «Пространства и смыслы» представляет собой многофакторный анализ символической деятельности человека на земной поверхности, и масштабность этой деятельности вполне оправдывает определение человека как символического существа (*homo symbolycus*).

² Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. С. 268.

Нам — 55

Нам 55. Много это или мало? Человек в пятьдесят пять лет может быть молод, и не второй, а первой молодостью. А может быть стар, даже дряхл.

А литературный журнал? С одной стороны, пятьдесят пять лет – возраст – тем более в наше быстротечное, переменчивое время – солидный. С другой, что такое пятьдесят пять лет в сравнении с лондонской «Таймс», основанной в 1785 году, или с нашим американским коллегой «толстым» журналом «Харперс», которому уже перевалило за сто пятьдесят?

А как ощущаем себя мы сами? Вот и человеку, говорят, столько лет, насколько он себя чувствует. А кем чувствуем себя мы? Старыми или молодыми? И очень старыми и совсем еще молодыми.

Старыми, потому что немало успели. Пятилетним младенцем в 1960 году журнал впервые напечатал по-русски Теннесси Уильямса, «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, стихи Элюара и Превера. Пятнадцатилетним подростком – Джона Ле Карре и Карела Чапека. Двадцатилетним юношей – Жоржи Амаду, Джеймса Болдуина, Жоржа Брассенса. Молодым человеком – Федерико Гарсиа Лорку, Эммануэля Роблеса, Йордана Радичкова. Сорокалетним мужчиной во цвете лет – Питера Акройда, «Жестяной барабан» Гюнтера Грасса, «Маятник Фуко» Умберто Эко, рассказы Борхеса и Камю. Наконец, мужчиной средних лет – «Улисса» Джойса, Кэндзабуро Оэ, Карлоса Фуэнтеса.

«Впервые по-русски». Что может быть притягательней для любителя и ценителя зарубежной литературы, чем эти два слова? Но «впервые» и «по-русски» – еще мало. Надо, чтобы впервые напечатанное «жгло сердца людей», как это было у нас с Фаулзом и Эко, Маркесом и Грассом, Кундерой и Эстерхази. А чтобы «жгло», надо, чтобы перевод читался по-русски. Чтобы не приходилось спотыкаться на каждом слове, что, увы, сегодня в выпускаемой переводной литературе бывает нередко.

Молодыми, потому что сделать предстоит не меньше сделанного. Открывать новые имена. Новые переводческие таланты. Исследовать еще не исследованные литературные континенты, которым посвящены наши специальные номера. Продолжать радовать наших верных читателей, которые, даже оказавшись в других широтах, не забывают про «Иностранку». Заполнять лакуны, которых в нашем постижении зарубежных литератур осталось еще немало. Развивать школу художественного перевода, которая от изобилия развлекательных, пустых книг и неопытных переводчиков сегодня хиреет на глазах. Наша школа многого добилась, но ведь и спрос поэтому с нее велик.

Велик спрос и с нас. Главное же, впредь оставаться верным нашему давнему девизу: «Лучшие писатели – в лучших переводах». Будем ему верны – и журнал будет жить, невзирая на кризисы и растущую с каждым днем конкуренцию отечественных издателей.

В этом юбилейном номере читателя ждет встреча с крупнейшими прозаиками и поэтами настоящего и прошлого. С лауреатами Нобелевской премии Виславой Шимборской, Эудженио Монтале, Герттой Мюллер. И с «просто» великими писателями, как наш соотечественник Владимир Набоков.

«Иностранной литературе» – 55 лет. Будем же и дальше «успевать на пятерки».

*Александр Ливергант, главный редактор
журнала «Иностранная литература»*

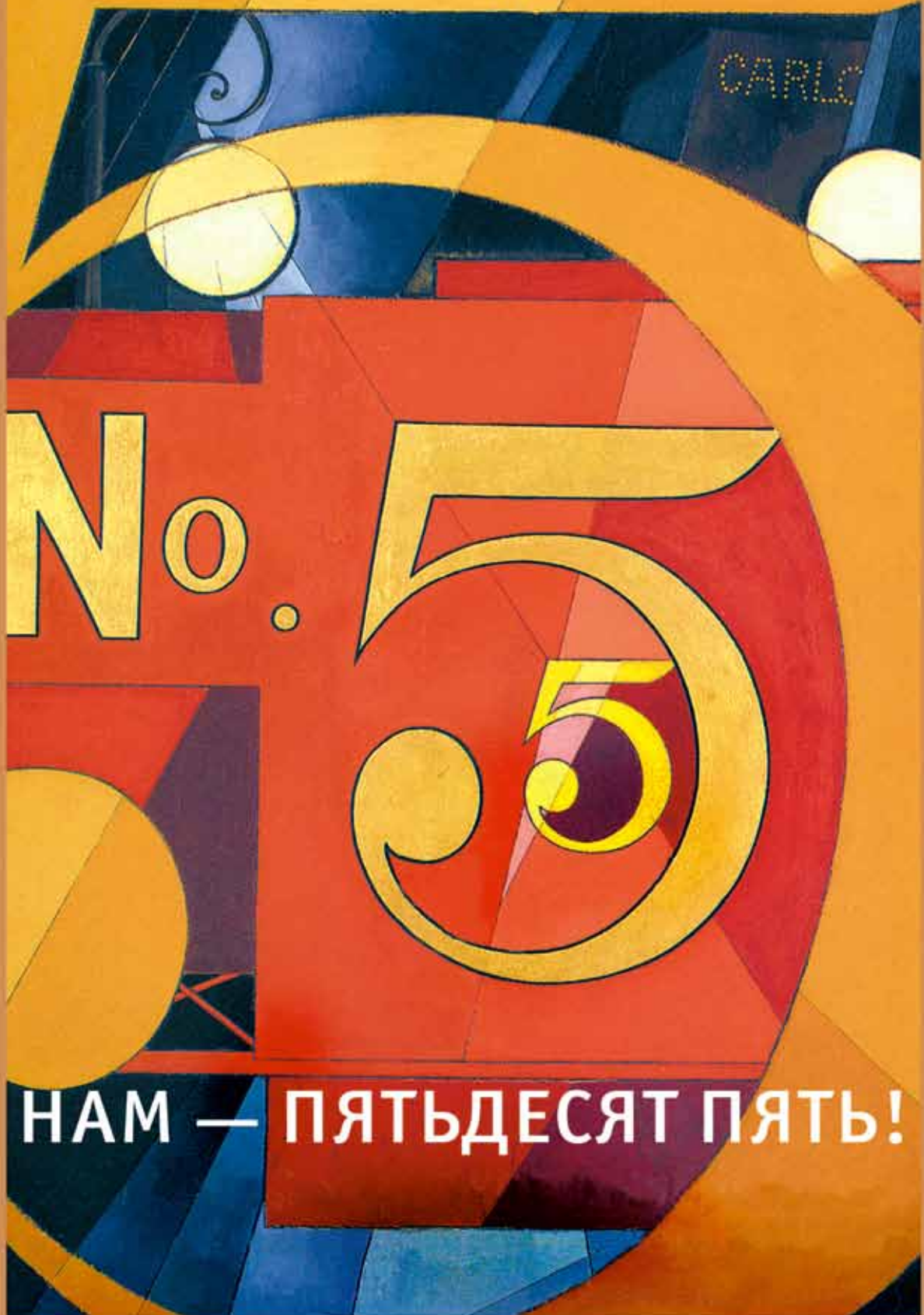
Подписаться на журнал «Иностранная литература»

можно в любом отделении связи –

подписной индекс 70394 (на полгода)

Электронный дайджест журнала: <http://magazines.russ.ru/inostran>

ИНОСТРАННАЯ **ИЛ** ЛИТЕРАТУРА

НАМ — ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ!